

УДК 101.1

РАЦИОНАЛЬНОСТЬ В КУЛЬТУРЕ КАК ФИЛОСОФСКАЯ ПРОБЛЕМА

Л.Г. Черемных

Рассматривается проблема рациональности в научном познании, а также мера рационального в современной культуре.

Ключевые слова: культура; наука; рациональность; рациональное мышление.

RATIONALITY IN THE CULTURE AS PHILOSOPHICAL PROBLEM

L.G. Cheremnykh

It is considered the problem of rationality in scientific knowledge and rational world in modern culture.

Key words: culture; science; rationality; rational thinking.

Проблема рационализации культуры, поставленная в свое время М. Вебером, приобрела в современном обществе новое звучание. Это относится и к проблематике постиндустриального развития общества, и к информационно-коммуникативной революции, и к процессам глобализации. Но главной, пожалуй, можно назвать одну проблему – философское осознание новой парадигмы видения мира и человечества в условиях глобализации многих параметров жизни людей, стран и народов.

Сложившееся в XX в. соотношение рационализма и культуры привело к scientismу и технократизму, явилось основанием для создания общества массового потребления, в конечном итоге привело к невиданному обострению глобальных проблем современности. Сама рациональность стала превращаться в иррациональность. В этих условиях остро встает проблема выживания человечества вообще. Пожалуй, каждая из этих острых проблем современности может быть истолкована как следствие процесса расколдовывания культуры, начавшегося, согласно Веберу, еще в античности. Как справедливо заметил И.Р. Пригожин, не только современная Европа, но и большая часть цивилизованного мира “живет на пересечении по крайней мере двух различных систем ценностей: с одной стороны, научной рациональности, а, с другой, рациональности коллективного поведения” [1, с. 7]. Критерием научной рациональности традиционно выступает математическая логика, мерилом человеческого поведения – право.

М. Вебер, описывая типы социального действия в порядке возрастания рациональности, приходит к выводу, что рационализация культуры – всемирно-исторический процесс. “Одной из существенных компонент “рационализации” действия является замена внутренней приверженности привычным нравам и обычаям планомерным приспособлением к соображениям интереса. Конечно, этот процесс не исчерпывает понятия “рационализации” действия. Ибо последняя может протекать, кроме того, позитивно – в направлении сознательной ценностной рационализации, а негативно – не только за счет разрушения нравов, но также за счет вытеснения аффективного действия и, наконец, за счет вытеснения также и ценностно-рационального поведения, при котором уже не верят в ценности” [2, с. 75]. С возрастанием роли целерационального действия рационализируется способ ведения хозяйства; управление в области права, науки, культуры; образ мышления людей, так же, как и способ их чувствования и образ жизни в целом. Все это сопровождается усилением социальной роли науки, представляющей собой наиболее чистое воплощение рациональности; наука проникает прежде всего в производство, а затем в управление и быт – в этом Вебер видит одно из свидетельств универсальной рационализации общества.

Если сравнить системы ценностей, характеризующие культуру техногенных и традиционалистских обществ, то обнаруживается их радикальное различие. Оно заключается в ориентации культуры в пер-

вом случае на научное знание, во втором – на религиозный опыт регуляции человеческого поведения. Так, в европейском средневековье научное знание не было доминантой культурной жизни. Оно было подчинено мировоззренческому знанию, представленному религиозной, прежде всего, христианской доктриной; научные знания существовали только в рамках этой доктрины и ею контролировались.

Для М. Вебера вопрос об исторической роли комплекса религиозных идей, об их воздействии на человеческое поведение, а через него и на судьбы общества тождествен вопросу о роли идей и интересов в социально-историческом развитии. Отсюда рационализация общественной деятельности осуществлялась “под давлением внутренней логики, которой подчинялось неукротимое стремление к рационализации религиозных идей” [3, с. 675]. По мере превращения той или иной идеи или комплекса таких идей в более или менее развитое религиозное мировоззрение происходит “разволшебствование” первоначальных идей-представлений, лишение их магического ореола, покрова тайны. Процесс превращения первобытной магии в религию, неразвитой религиозности в развитую, локальных религий в мировые обращается против того, что лежит в его основании, на почве чего он совершается. Развитие религии, совпадающее с ее рационализацией, и углубление рационализации, оказывающееся ее “разволшебствованием”, обращаются против самого принципа религиозности. “Поэтому процесс рационализации в своем ядре представляет собою процесс религиозно-исторического разволшебствования, и его отдельные моменты и точки заключают в себе единство, протекающее из этого ядра” [3, с. 675].

М.Г. Ганопольский, намечая направления рационализации культуры от первой теоремы до индустриальной организации, подчеркивает родство этих феноменов. Сравнивая структуру теоремы (от “дано” до “требуется доказать”) со структурой индустриального производства (от сырья, материалов, энергии – до склада готовой продукции), он приходит к выводу, что в топологическом отношении эти структуры изоморфны. Аналогом логической цепочки умозаключений, составляющих процедуру доказательства, в материально-вещественном производстве выступает переработка исходных компонентов в готовый продукт через последовательность взаимосвязанных операций – так называемая технологическая цепочка [4, с. 59].

Техногенная цивилизация дала человечеству множество достижений. Вместе с тем нельзя отрицать, что она же создала устойчивые стереотипы человеческого мышления, в соответствии с которыми решение любой возникающей проблемы, в том числе, и социальной, – задача чисто научного харак-

тера. В результате, по мнению Ж. Моно, “человек осознал тот факт, что, подобно кочевнику, он живет на границе чуждого ему мира. Мира, который глух к его музыке и совершенно безразличен к его надеждам, страданиям и преступлениям” [5, с. 172–173]. При таком подходе наука предстает уже не в качестве катализатора рациональной культуры, а, скорее, в качестве угрозы цивилизации. Значительная часть истории европейской мысли несет на себе следы этого культурного пессимизма, который отчетливо прослеживается в работах Хайдеггера, Сартра, Фрейда и Леви-Стросса. Тревожную оценку возрастающей роли научного знания дали участники коллоквиума, проведенного ЮНЕСКО в 1974 г.: “За прошедшие сто с лишним лет произошел такой рост научной деятельности, в результате которого может создаться впечатление, что наука заменила культуру в целом. Некоторые считают, правда, что это просто иллюзия, которая объясняется высокими темпами развития науки... Другие считают, что триумф науки дает ей по крайней мере право управлять культурой в целом... Третьи, апеллируя к той угрозе, которая подстерегает человека и общество в случае их подчинения науке, пророчат упадок культуры” [6, с. 43].

Особое внимание участников дискуссий о рационализации культуры привлекает вопрос, который заключается в следующем: включает ли понятие рационализации в свое содержание не только эпистемические (истинность, логичность, доказательность и пр.) и деятельностные (целесообразность, эффективность, оптимальность и т. д.) критерии, но также социальные и нравственные ценности?

Сторонники “очищения” рационализации от ценностных примесей, расходясь в определениях критериев рациональности, солидарны в том, что разум не должен брать на себя ответственность за нравственный выбор, социальное ориентирование знания, отождествлять себя с человеческой жизнедеятельностью в целом. Их оппоненты выдвигают иные резоны: разум, оторванный от ценностной ориентации, неизбежно сбивается с пути и приходит к иррациональным итогам.

Этот спор имеет давние традиции. Мнение о ценностно-этической нейтральности науки и научного познания распространено довольно широко. Как замечает Г.А. Антипов, “модель действительности, конституируемая наукой, не просто несет печать “равнодушия” к добру и злу, она просто находится за их пределами. Последнее и служит, в конечном счете, источником разного рода напряжений между миром рациональности и миром гуманизма” [7, с. 56]. А.Д. Александров видит в ценности научной истины связующее звено между этикой и наукой: “Обращаясь к человеку с истиной, обращаются к его разуму. Истина утверждается только

доказательством, но не внушением, не приказом, не силой – ничем, что подавляет свободный критический дух человека. В этом, в частности, состоит специфический гуманизм науки” [8, с. 34–35].

Люди не должны решать конфликты силовыми методами, – в этом состоит превентивная роль науки. В свое время Ю. Хабермас высказал такое соображение, что, если человек XIX и XX вв. был человеком конфронтующим, отстаивающим свои интересы с оружием в руках против другого человека, то человек XXI в. должен стать человеком договаривающимся. И это не конформизм, это умение найти правильную позицию в диалоге [9, с. 15].

Поиски этой позиции ставят перед обществом вопрос: возможно ли существование современной (постиндустриальной) культуры при сохранении системы базисных ценностей техногенной культуры? Скорее всего, вхождение человечества в новый цикл цивилизационного развития и поиск путей решения глобальных проблем связаны не с отказом от науки и ее технологических применений, а с изменением стандартов научной рациональности

Пересмотр понятия рациональности в философии науки начался примерно с 60-х годов XX в., когда складывался так называемый постпозитивизм, представленный Т. Куном, И. Лакатосом, С. Тулмином. В отличие от неопозитивистов, берущих в своих рассуждениях за образец рациональности математику, постпозитивисты полагают, что примером рациональности для науки в целом должна выступать не математика, а право, так как оно в силу своей приближенности к социокультурным реалиям, наиболее полно соответствует нормам и идеалам рациональности. Постпозитивисты считают, что рациональная культура не должна подчиняться строгим формальным правилам.

Скорее всего, истина кроется где-то посредине. И математика, и право являются теми культурными алгоритмами, при помощи которых поддерживается и углубляется взаимообусловленность разумности мыслей и действий человека. Эта взаимообусловленность, в свою очередь, расширяет границы рациональности, позволяет исключить однолинейный подход, задает многомерность и гибкость социальным конструкциям, сближает между собой науку и право в рамках социокультурных практик.

Литература

1. Пригожин И. Наука, цивилизация и демократия / И. Пригожин // Философия и социология науки и техники: ежегодник: 1988–1989. М., 1989.
2. Гайденко П.П. История и рациональность: социология М. Вебера и веберовский ренессанс / П.П. Гайденко, Ю.Н. Давыдов. М.: Политиздат, 1991.
3. Tenbruck F.H. Das Werk Max Webers / F.H. Tenbruck // Kolner Zeitschrift fur Soziologie und Sozialpsychologie. 1959. Bd. 11, № 3.
4. Ганопольский М.Г. Региональный этос: истоки, становление, развитие / М.Г. Ганопольский. Тюмень: изд-во ТюмГНГУ, 1998.
5. Monod J. Chance and Necessity / J. Monod. New York: Vintage Books, 1972.
6. La Science et la diversite des cultures. Paris : UNESCO: PUF, 1974.
7. Антипов Г.А. Присуще ли науке нравственное начало? / Г.А. Антипов // Наука и ценности. Новосибирск: Наука, 1987.
8. Александров А.Д. Истина как моральная ценность / А.Д. Александров // Наука и ценности. Новосибирск: Наука, 1987.
9. Современная социальная теория: Бурдье, Гидденс, Хабермас: учеб. пособие / сост., пер. и вступ. ст. А.В. Леденевой. Новосибирск: изд-во Новосибир. ун-та, 1995.